

Р. Н. РАХИМОВ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОРЕНБУРГСКИЙ КОРПУС:
ПРОЕКТЫ И РЕАЛИИ ВОЮЮЩЕЙ ОКРАИНЫ
В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ

Интересной военной структурой русской армии середины XIX в. были отдельные корпуса, расположенные на национальных окраинах империи и являвшиеся приграничными. Из них наиболее известен Кавказский (до 1820 г. именовался Отдельный Грузинский), поскольку там шли боевые действия — Кавказская война. Кроме него, в николаевскую эпоху существовали отдельные корпуса: Сибирский, Финляндский (до 1831 г., когда был переименован в Войска, расположенные в Финляндии) и Литовский (с 1817 по 1831 г.). Практически полное отсутствие историографии этих военных объединений в отечественной литературе (за исключением Кавказского корпуса) подвигло нас на обращение к истории еще одной воюющей окраины — Отдельного Оренбургского корпуса, попытке анализа его боевого состояния и возможностей.

Во второй половине XVI в. после падения Казанского ханства в состав России добровольно вошла Башкирия, представлявшая огромную территорию на юго-востоке страны. Нахождение Башкирии в составе России долгое время имело номинальный характер. В первой половине XVIII в., российское государство, в котором проходили процессы модернизации, начало активную интеграцию края. Особенно активно этот процесс пошел после принятия в 1731 г. русского подданства казаками Младшего жуза во главе с ханом Абулхайром. По предложению И. К. Кирилова начала свою деятельность Оренбургская экспедиция (1734–1744 гг.), ставившая целью проникновение (мирное) России на Восток. На границе с Казахстаном по реке Яик (Урал) была построена Оренбургская пограничная линия. Для несения на ней службы правительство привлекло уральских казаков и приступило к созданию Оренбургское казачьего вой-

ска. В 1744 г. к нему было приписано Исетское войско¹. В мае 1748 г. все казачьи части вновь созданной Оренбургской губернии были сведены в Оренбургское нерегулярное войско. В 1755 г. был утвержден штат «Нерегулярным людям Оренбургской губернии» и образован Оренбургский казачий корпус из 2000 человек. Кроме казаков, службу несли регулярные и гарнизонные драгунские, пехотные полки, ландмилиция. Но и этих сил не хватало, поэтому с 1748 г. на линию стали направляться башкиры, служилые татары и мишари. Поскольку служба на границе для башкир стала одной из главных, с них в 1754 г. сняли обязанность платить ясак. На пограничную линию башкиры и мишари ежегодно направляли от 5500 до 10500 человек. Необходимо отметить, что военная служба являлась основным вектором интеграции башкир в состав Российского государства.

В 1798 г. по инициативе Оренбургского военного губернатора барона О. А. Игельстрома для лучшей организации военной службы в крае была введена кантонная система управления, которая распространилась на башкир, мишарей, калмык, оренбургских и уральских казаков². Было создано 11 башкирских, 5 мишарских, 5 оренбургских, 2 уральских и калмыцкий кантоны.

Кроме иррегулярных войск, на границе были размещены и несли службу оренбургские линейные батальоны. Войска, находившиеся на линии, уже в XVIII в. получили неофициальное название «Оренбургский корпус».

18 декабря 1816 г. был учрежден Оренбургский отдельный корпус. Оренбургские военные губернаторы П. К. Эссен (1817–1830), граф П. П. Сухтелен (1830–1833), граф В. А. Перовский (1833–1842, 1851–1857), В. А. Обручев (1842–1851), Оренбургские и Самарские генерал-губернаторы А. А. Катенин (1857–1860) и А. П. Безак (1860–1864) являлись одновременно его командирами на правах корпусного начальника. Корпус просуществовал до 10 августа 1864 г., когда был упразднен и переименован в войска Оренбургского края.

Состав

Оренбург был тогда настоящим военным городом; в нем располагались все власти, и так как большая часть жителей этого края состояла из казаков или башкир, несущих военную службу, то здесь было полным-полно офицеров всех чинов — настоящий парад мундиров.

И. Ф. Бларамберг. «Воспоминания»

Отдельный Оренбургский корпус состоял из: корпусного штаба, 29-й (нумерация менялась, с 1820 г. — 26-й, с 1833 г. — 23-й, затем 22-й)

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. ПСЗ-1. Т. XII. № 9006.

² ПСЗ-1. Т. XXV. № 18477.

пехотной дивизии, гарнизонной артиллерии Оренбургского округа, представленной 14-й гарнизонной артиллерийской бригадой (3,5 пешие роты), инженерными командами Оренбургского округа (в г. Оренбурге и Орске). Из артиллерии в корпусе был Окружной арсенал и 57-я легкая артиллерийская рота, но в 1819 г. в связи с обострением обстановки она была переведена на Кавказ. Вместо нее были сформированы две казачьи конно-артиллерийские роты № 10 и 11. В корпусе числились Неплюевское военное училище (открыто в 1825 г., впоследствии преобразовано в корпус), Военно-рабочая рота № 35, Оренбургская инвалидная команда, 12 инвалидных команд в городах и 2 этапные команды. Большая часть войск была расквартирована в Оренбурге, Уральске, Орске, Троицке, Верхнеуральске, Уфе, в которых также имелись свои инвалидные команды. Часть батальонов размещалась в крепостях Оренбургской линии: Кизильской, Таналицкой, Магнитной, Звериноголовской, Степной.

Кавалерию корпуса представляли иррегулярные: Оренбургское казачье войско с двумя конно-артиллерийскими ротами, Уральское казачье войско, Башкиро-Мещеряжское (с 1855 г. — Башкирское) войско, Ставропольское калмыцкое войско и два тептярских полка, находившихся на положении регулярных казачьих.

26-я пехотная дивизия состояла из 3-х бригад. В 1-ю бригаду входил Оренбургский гарнизонный 3-х батальонный полк, Орский гарнизонный батальон, Подвижная инвалидная полурота № 52. В 1829 г. Оренбургский полк был разделен на Оренбургский гарнизонный 2-х батальонный полк и Уральский гарнизонный батальон. Во 2-ю бригаду входили: Кизильский, 1-й, 2-й, 3-й линейные Оренбургские гарнизонные батальоны. 3-я бригада состояла из Верхнеуральского, Троицкого, Звериноголовского и 4-го линейного Оренбургского гарнизонных батальонов. Бригадные управления размещались в Оренбурге, Кизильской и Верхнеуральской крепостях.

Военизированные подразделения других ведомств в силу приграничного расположения также имели двойное подчинение. Так, например, 4-я рота 9-го военно-рабочего батальона Межевого ведомства была разделена на две команды — 1-я находилась в Оренбурге, а 2-я в Вятке. Их расположение затрудняло наблюдение за ними командира батальона. Поэтому команда в Вятке была подчинена бригадному командиру внутренней стражи, а команда в Оренбурге подчинялась начальнику 26-й пехотной дивизии³.

19 апреля 1829 г. все гарнизонные батальоны стали Оренбургскими линейными номерными батальонами. Они остались в составе пехотной дивизии, их количество увеличилось до 16. Затем, в результате различных реорганизаций, к 1850-м годам количество их сократилось до 10. Особенностью корпуса было то, что он являлся местом ссылки. Поэтому его пехота пополнялась различными про-

³ ПСЗ-2. Т. II. № 1312.

винившимися офицерами и нижними чинами, а в 1830-е гг. пленеными поляками.

В корпус не входила 1-я бригада 8-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи, состоявшая из Вятского, Пермского и Уфимского гарнизонных батальонов. Но 27 сентября 1829 г. по новому расписанию Отдельного корпуса внутренней стражи Уфимский внутренний гарнизонный батальон с подведомственными ему жандармской, инвалидной и этапной командой был исключен из Корпуса внутренней стражи и причислен к Оренбургскому корпусу как Оренбургский линейный батальон № 16⁴. В 1830-е гг. из 10 оренбургских батальонов 7 находились на линии, а 3 несли службу на уральских горных заводах.

21 января 1818 г. корпус получил свой корпусный II класса госпиталь, для которого была сформирована половина подвижной инвалидной роты № 79 (затем № 52). Вплоть до открытия в 1857 г. горной больницы госпиталь являлся единственным лечебным учреждением в Оренбурге и губернии. В 1846 г. при нем была создана фельдшерская школа.

В определенном отношении командиру Отдельного Оренбургского корпуса подчинялся флот. Это была вновь созданная в 1852–1853 гг. по инициативе А. И. Бутакова Аральская военная флотилия. Для ее организации в 1852 г. в разобранном виде были доставлены в Аральск, собраны и весной 1853 г. спущены на воду пароход «Перовский» и железный паровой баркас «Обручев». Позднее, в 1855 году на Аральское море были доставлены еще 7 железных гребных судов. Суда флотилии несли охрану судоходства, перевозили войска и грузы.

Самой значительной частью корпуса была его иррегулярная кавалерия, состоявшая из двух казачьих и двух национальных войск. Уральское казачье войско по «Положению» 26 декабря 1803 г. состояло из лейб-Уральской сотни и 10 пятисотенных конных казачьих полков. С 1819 г., после причисления казаков Илецкой и Сакмарской станиц, полков стало 12. Войско несло службу по Уралу южнее Оренбурга до Гурьева.

Оренбургское казачье войско по «Положению» 8 июня 1803 г. состояло из 5 кантонов и Оренбургского казачьего тысячного полка. Оно должно было выставлять казаков на службу на линии, а также пятисотенные полки для участия в походах российской армии. В 1819 г. в войске сформированы две конно-артиллерийские роты, переформированные в батареи. В 1837 г. в него были включены солдаты 4 оренбургских линейных батальонов, переселенные на Новую линию. По «Положению» 12 декабря 1840 г. войско состояло из 10 пятисотенных полков и конно-артиллерийской бригады из трех батарей. В 1854 г. в войске были сформированы 6 оренбургских казачьих батальонов.

4 ПСЗ-2. Т. IV. № 3199.

Ставропольское калмыцкое войско образовалось при Петре I из выведенных внутрь страны владельцем астраханских калмык Тайшой, принявшим крещение. В 1737 г. после его смерти его жена Анна Тайшина была пожалована в княгини, для нее в 1739 г. была построена крепость Ставрополь, поэтому калмыки стали называться ставропольскими. В 1745 г. по донесению Оренбургского губернатора И. Неплюева Сенат разделил войско на 8 рот, в 1760 г. были добавлены еще 3 роты. С 1745 г. калмыки наряжали 300 человек на службу на линии. В 80–90-е гг. XVIII в. на линию отправлялось 500–600 калмык ежегодно, с 1803 г. по 400 человек, при одном войсковом старшине и 12 ротных чиновниках. В этом же году было утверждено положение об образовании Ставропольского калмыцкого войска и в его составе Ставропольского полка 10-ротного состава. В него входили полковник, 10 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих, квартирмейстер, 2 писаря, 40 урядников, 1000 рядовых, всего 1074 человека. В 1831 г. в войске числилось: чиновников 28, нижних чинов 873, отставных 206, малолетков 696 — итого 1793 человека⁵. В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско было присоединено к Оренбургскому казачьему войску.

Башкиры в 1831 г. насчитывали в Башкиро-мещеряцком войске 73000 чел. служащих чиновников и нижних чинов, а также 68000 малолетков. Кроме нарядов на зимнюю и летнюю службу по этапам и Оренбургской линии, в чрезвычайных случаях они должны были командировать на военную службу пятисотенные полки. Мишари (мещеряки) в 1831 г. насчитывали 12000 человек служащих нижних чинов и чиновников и 13500 малолетков⁶.

Особое положение составляли тептярские полки. Созданные в конце XVIII в. на положении, близком к казачьим, эти части комплектовались и содержались за счет сословия тептярей (татары, безземельные башкиры, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, жившие на правах припущенников у башкир)⁷. 24 июля 1819 г. полки по высочайшему повелению были преобразованы в регулярные. Как указывает В. С. Кобзов, чиновниками была допущена ошибка, и полки были названы императором казачьими. Не решившись указать Александру I на это, Эссен 14 января 1820 г. вынужден был издать специальный приказ, в котором отмечалось: «В штате о Тептярских полках, Высочайше утвержденном, они названы регулярными конными казачьими и потому должны, сохраняя свое название казачьих, именоваться по номерам — 1-м и 2-м Тептярскими регулярными»⁸.

5 Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г. СПб., 1831. С. 35.

6 Там же. С. 31–32, 35.

7 О сословии тептярей см. Рахимов Р. Н. «За чей счет банкет?», или продовольственное обеспечение процессов интеграции Оренбуржья в XVIII веке // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сборник статей. Оренбург, 2006. С. 93–103.

8 Кобзов В. С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX века. Челябинск, 1996. С. 71.

В 1833 г. была проведена реорганизация русской кавалерии. По новому штату ее полки состояли из 8 эскадронов (уланские и гусарские), а драгунские — из 10. Во всех них создавались резервный эскадрон и нестроевая рота. По «Положению о первом Оренбургском казачьем полку» от 21 марта 1835 г. оба полка, 1-й и 2-й Тептярские, формировали один — 1-й Оренбургский казачий полк, причисленный к Оренбургскому казачьему войску⁹.

Новый полк состоял из 8 действующих, одного резервного эскадрона и нестроевой роты. Штаты, жалованье были такие же, как в непоселенных уланских полках. Офицеры выбирались из прежних тептярских полков, также как и нижние чины, и переводились из регулярной кавалерии. Обоз, лошади, оружие и амуниция перешли из тептярских полков в новый полк, сформированный к 21 августа 1835 года¹⁰. Назначение православного священника (в прежних тептярских полках полагался мулла), заведение полковой церкви и приобретение церковной утвари произошло в следующем году¹¹.

Вновь созданный полк, называясь Оренбургским казачьим и будучи причислен к Оренбургскому войску, никогда не имел в своих рядах ни одного настоящего казака. Состоя из тептярей и рекрут, он на самом деле представлял собой полк легкой регулярной кавалерии, близкий по своему положению к уланам. Сразу же после формирования часть заняла особое место в Отдельном Оренбургском корпусе. 1-й Оренбургский казачий полк являл собой, по нашему мнению, личную гвардию военного губернатора В. А. Перовского, поскольку он комплектовался из специально подобранных рослых и красивых нижних чинов, офицеров гвардейской и армейской кавалерии, лично Перовскому известных. Сама идея преобразования тептярских частей и создания особого, «домашнего» для военного губернатора «лейб-полка», была если не предложена В. А. Перовским, то, несомненно, ему близка. Примером был Кавказ. Кавказский корпус имел ярко выраженное деление на «русские» и «кавказские» полки. Первые — это были части армии, прибывшие на Кавказ сравнительно недавно и не имевшие навыков горной войны, сохранившие армейское обмундирование и вооружение. Как правило, эти части направлялись на Кавказ временно, для усиления корпуса. Вторые — это полки, находившиеся на Кавказе много лет, либо созданные там, имевшие опыт боевых дей-

9 ПСЗ-2. Т. 10. № 7985; Положение о первом Оренбургском казачьем полку. СПб., 1835. По ошибочному мнению Н. Казанцева, это событие произошло в 1830 году. См. Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 64.

10 Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург. Далее: РГИА). Ф. 1284. Оп. 232. Д. 115. Л. 60.

11 Российский государственный военно-исторический архив (Москва. Далее: РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 878.

ствий с горцами, и отличавшиеся своим внешним видом, оружием, характером взаимоотношений между нижними чинами и офицерами¹². Вероятно, копируя особое положение Нижегородского драгунского полка на Кавказе, В. П. Перовский предполагал превратить 1-й Оренбургский казачий в такую же часть¹³.

В 1841 г. 1-й Оренбургский казачий был переименован в Уфимский казачий полк по месту своего постоянного квартирования¹⁴. По мнению В. С. Кобзова, название было дано в память о вошедших в войско уфимских городских казаках¹⁵. Из переписки военного губернатора с военным министром в ноябре 1841 г. видно, что переименование полка состоялось в связи с принятием «Положения об Оренбургском казачьем войске» в декабре 1840 г.¹⁶ По «Положению», войско формировало десять полков и конноартиллерийскую бригаду из трех батарей. Чтобы исключить наличие в корпусе сразу двух 1-х Оренбургских казачьих полков, причем одного на положении легкой кавалерии, а другого — иррегулярной, и было принято решение о переименовании. Уфимский казачий полк по-прежнему числился как регулярный и содержался за счет сословия тептярей, но комплектовался исключительно русскими рекрутами. В будущем предполагалось превратить его в поселенный драгунский полк¹⁷. Но эта идея не получила развития. Препятствием для ее осуществления было, как нам представляется, присутствие в полку двух совершенно разных по своему положению групп нижних чинов — русских рекрут и дослуживавших свой пятнадцатилетний срок тептярей.

Уфимский казачий полк в 1845 г. после высочайшего смотра в Чугуеве был расформирован и упразднен¹⁸. При этом из него было выделено 64 унтер-офицеров, 640 рядовых, 12 трубачей и 4 барабанщика, направленных на усиление Нижегородского драгунского полка, воевавшего на Кавказе. Можно считать, что Уфимский казачий полк частично вошел в состав Нижегородского драгунского полка четырьмя эскадронами и продолжил свою службу в его составе уже на Кавказе.

Что представлял собой Отдельный Оренбургский корпус по количественному составу? В 1839 г. в корпусе пехота составляла 9553

12 Лукирский А. Н. «Русские» полки в восприятии кавказских войск // Историк. Историк. История: Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2002. С. 386.

13 Рахимов Р. Н. Относился ли к войску 1-й Оренбургский казачий полк в 1835–1841 г.? // Всероссийская научно-практическая конференция. Казачество в прошлом и настоящем. 260-летию Оренбургского казачьего войска посвящается. Оренбург, 2007. С. 43–47.

14 ПСЗ-2. Т. 16. № 15071.

15 Кобзов В. С. Обмундирование оренбургских казаков в XVIII — начале XX вв. // Охотник. Альманах военной истории. Челябинск, 1997. № 2. С. 10.

16 РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3861. Л. 1–3.

17 Там же. Л. 1.

18 ПСЗ-2. Т. 20. № 19356.

чел., артиллерия — 974 чел., конница — 106192 чел. Из них штаб и обер-офицеров, зауряд-чиновников — 2202 чел., нижних чинов — 113369 чел., нестроевых — 1148 чел.¹⁹ Конница состояла из регулярных 1-го Оренбургского казачьего полка (1392 чел.), Оренбургского неперменного казачьего пока (816 чел.) и иррегулярных Ставропольских калмыков (707 чел.), Уральского казачьего войска (3707 чел.), Оренбургского казачьего войска (12195 чел.), башкир (74656 чел.), мишарей (12830 чел.).

В сравнении с Кавказским и Сибирским отдельными корпусами, Оренбургский выделялся наличием большого иррегулярного компонента — четыре войска! Из них два казачьих, два национальных. Практически полное отсутствие артиллерии, небольшой процент пехоты, — все это было ориентировано на активный характер пограничной службы, который сложился на Оренбургской линии с момента ее основания.

Военный опыт и дипломатия

Славно, братцы, пришло время:
мы идем все на Хиву

Песня оренбургских казаков

Практически все советские и российские историки признавали, что среднеазиатское направление не было ведущим во внешней политике России XIX в.²⁰ Никаких планов завоевания Средней Азии вплоть до 1860-х годов не существовало. Однако региональная историография с 50-х годов прошлого века с упорством трудно объяснимым указывает, что «в первой половине XIX в. царское правительство стремилось разрешить в Оренбургском крае ряд серьезных военных, политических и хозяйственных задач: обеспечить безопасность восточных границ империи, создать плацдарм для завоевания Средней Азии»²¹. Тем не менее, основным предназначением Оренбургского корпуса было несение пограничной службы на юго-восточной границе и обеспечение безопасности караванной торговли. Противником были шайки или «сборища» так называемых «хищных степняков», или «хищных киргиз-кайсаков» и прочей степной вольницы, поддерживаемых хивинским ханом. Они совер-

шали набеги на российскую территорию, угоняли скот (в основном у башкир и казаков), грабили караваны, похищали людей с целью продажи их на невольничьих рынках Хивы. Все это приводило к тому, что Оренбургский корпус находился в состоянии войны.

В течение всей первой половины XIX в. среди военных существовали два мнения, или два подхода относительно борьбы с кочевниками и подчинения степи. Сторонники одного считали необходимым строить укрепления в степи и постепенно с их помощью, перемещая границу, подчинять кочевников (В. А. Перовский в начале 1830-х гг., В. А. Обручев). Другой полагал более эффективным осуществление постоянных походов в степь, с целью демонстрации силы и наказания совершивших набег кочевников. Этот подход начал осуществлять с 1820 г. П. К. Эссен, но особенным его сторонником на рубеже 30–40-х гг. XIX в. был В. А. Перовский. Этот подход в свое время заметил Ф. Энгельс: «Перовский организовал прежде всего подвижные колонны против киргизов и вскоре затем стал размещать на их территории казачьи военные посты. Таким путем в течение нескольких лет он подчинил киргизов действительному контролю и власти России»²².

Спорным оставался и вопрос о значении степной конницы: с одной стороны, отмечалось преимущество казаков, с другой стороны, указывалось на то, что степняки больше всего боялись встречи с регулярными частями. Чтобы придать отрядам или экспедициям, высылаемым с линии, те свойства, которых нет у казаков, они считали, что нужна пехота, имеющая на своей стороне преимущества в стойкости, меткости ружейного огня и силе удара в штыки при атаке²³. Поэтому направляемые в степь экспедиции имели как правило смешанный состав, наряду с иррегулярными (казаки, башкиры) в них была артиллерия и пехота.

В течение первой половины XIX в. в степь каждый год направлялись вместе с торговыми караванами дипломатические миссии, а также экспедиции научные. Наиболее крупной была экспедиция Ф. Ф. Берга (1825–1826). Она была предпринята под предлогом нивелировки уровня Каспийского и Аральского морей, но основной целью её было желание наказать хивинцев за подстрекательство туркмен и казахов к похищению русских людей. Отряд состоял из 1200 уральских, 400 оренбургских казаков, 475 пехоты из линейных батальонов и 6 легких казачьих орудий, всего 2310 человек²⁴. Продовольствие, фураж, амуницию разместили на 872 пароконных повозках; лошадей для этого обоза дали 600 уральские, 600 оренбургские казаки и 544 башкиры.

19 Иванин М. Г. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840. Выступление из Оренбурга отряда в ноябре 1839 года. СПб., 1874. С. 57.

20 Киняпина Н. С. Дипломаты и военные. Генерал Д. А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 224.

21 Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 63; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004. С. 312.

22 Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 614.

23 Остен-Сакен Д. Библиография // Военный сборник. 1863. № 5. С. 185.

24 Иванин М. Г. Указ. соч. С. 17–18.

В 1832–1834 гг. в степь по восточному берегу Каспийского моря была направлена научная экспедиция Карелина. Почти ежегодно в степь отправлялись партии, преследовавшие сделавших набег казахов, с целью возврата угнанного скота и наказания виновных. Как правило, преследование не имело успеха. На это указывают в своих рапортах коменданты крепостей, имеются и воспоминания очевидцев. Так И. Ф. Бларамберг приводит такой случай: «В погоню за разбойниками была тотчас же отправлена сотня казаков во главе с опытным офицером. Однако догнать их было невозможно, потому что, по киргизскому обычаю, каждый из них уводил с собой под уздцы только одну лошадь для подмены и, естественно, быстро исчезал в степи»²⁵.

Вот редкий пример успешного похода. В 1840 г. казахи Среднего жуза отказались платить кибиточный сбор, среди них начались волнения. Для их пресечения был сформирован конный отряд из двух сотен оренбургских казаков и пяти сотен башкир под начальством войскового старшины Лобова. Отряд выступил в поход 1 мая и по прибытию в ставку султана-правителя Среднего жуза полковника Ю. Муралиева из него выбрана сотня добродетельных и послана в погоню за бежавшими к р. Тоболу казаками. Сотня их настигла, остановила и дождалась прибытия всего отряда. Казахи, принеся повинную, вернулись в степь под конвоем отряда. После наказания виновных султаном-правителем отряд остался в его распоряжении²⁶. Но затем отряд, опасаясь возможного нападения казахов, принял меры предосторожности: днем были расставлены маяки, а ночью часовые из башкир и казаков в две цепи, конными, при полном вооружении. После окончательного водворения спокойствия в степи султан-правитель дал в честь этого пир, где присутствовали аульные старшины, бии, офицеры отряда.

Самыми крупными событиями военной жизни Отдельного Оренбургского корпуса были неудачный поход на Хиву 1839 г. и поход на Ак-Мечеть 1853 г. Военная экспедиция в Хиву под командованием В. А. Перовского в составе 5217 солдат и офицеров при 22 пушках и 4 ракетных станках выступила из Оренбурга в ноябре 1839 г.²⁷ Однако необычайно суровая и снежная зима помешала заранее спланированному походу. Потеряв треть своих солдат, умерших от холода и голода, В. А. Перовский принял решение вернуться в Оренбург. В степи произошел единственный бой с хивинцами, которые напали на отряд поручика Ерофеева, состоявший из 140 человек пехоты, 70 казаков на 230 верблюдах. Он был вы-

слан В. А. Перовским к Акбулакскому укреплению для эвакуации находящихся в нем больных. Не доходя до укрепления, отряд стал на бивак. В это время на него напало около 2–3 тысяч хивинцев, которые попытались захватить укрепление, но были от него отбиты. В результате боя с отрядом нападавшие, несмотря на свое численное преимущество, были с успехом отбиты; в отряде убито 5, ранено 13 человек.

Большинство исследователей рассматривают поход 1839 г. как одну из попыток подготовки завоевания Туркестана, реализацию планов экспансии России на Восток, а также проявление англо-русского соперничества на Востоке. Другие, считают, что основной задачей похода были цели более конкретные: освобождение российских пленных в Хиве, смена хана на более лояльного к России. Признавая приведенные аргументы, нельзя, по нашему мнению, не учитывать и психологический фактор — личность самого В. А. Перовского. В. А. Перовский, участник Отечественной войны 1812 г., раненый в Бородинском сражении, силой обстоятельств, не по своей вине попал в плен во время выхода из Москвы русской армии. Освобождение пришло лишь в 1814 г. За это время его сверстники, пройдя с боями всю Европу, заслужили чины, ордена, обогнав В. А. Перовского. Тяга к военным компаниям, стремление отличиться на военном поприще отличали В. А. Перовского всю его жизнь. Причиной смены тактики медленного продвижения в степь путем строительства крепостей и переноса линии, которой придерживался В. А. Перовский в начале 1830-х г., была на наш взгляд, безуспешная борьба с Кенесары Касимовым, мятежным казахским султаном. Результатом стал зимний поход 1839 г.

Интересно, что на Кавказе в это время также произошла смена тактики ведения боевых действий. Там долгое время использовалась тактика, предложенная А. П. Ермоловым: постепенное освоение территории, сопровождающееся рубкой просек в лесах, строительством укреплений, переселением на контролируемую территорию покорных горских обществ. Ее сменила другая — карательные экспедиции в глубь Чечни и Дагестана с целью решительного разгрома врага. В начале 1840-х гг. русская армия провела ряд экспедиций против Шамиля, но они закончились неудачей, потерей большого числа людей. Особенно тяжелыми были поражения 1842 и осени 1843 г. Вместо анализа этих неудач был разработан план крупной карательной экспедиции на резиденцию Шамиля аул Дарго, осуществить который должен был новый главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом граф М. С. Воронцов. Экспедиция, прозванная солдатами «Сухарной», закончилась взятием Дарго, оставленного Шамилем, и гибелью только за два дня 2 генералов, 44 офицеров, 1275 солдат, потерей 3 пушек, большого количества лошадей и продовольствия. Всего потери оценивались в 4 тысячи убитых и раненых. Поход осложнялся тяжелыми погодными усло-

²⁵ Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 225.

²⁶ Государственный архив Оренбургской области (Оренбург. Далее: ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²⁷ Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 году. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 540.

виями (резкое похолодание). «Сухарная экспедиция» по затраченным силам и огромным потерям, имевшая в то же время ничтожный успех, стала настоящим шоком для ее участников. После нее правительство вновь вернулось к тактике медленного продвижения вглубь территории путем вырубки просек и строительства укреплений.

В целом Хивинский поход 1839 г. и «Сухарную экспедицию» 1845 г. можно считать закономерными в процессе вялотекущей приграничной войны, которую вели Оренбургский и Кавказский корпуса. Высшее руководство, мало сообразуясь с местными особенностями, а также климатическими и иными условиями, пыталось одним ударом разрубить «гордиев узел» воюющей границы. И в том, и в другом случае, слабо вооруженный и менее организованный противник либо природный фактор одерживали верх над попытками радикального решения проблемы. Ужасным было то, что неудача Хивинского похода 1839 г. не остановила военное руководство от повторения одной и той же ошибки. В очередной раз наступив на грабли неверной тактики, оно рассчиталось на Кавказе жизнями людей²⁸.

Несмотря на неудачу Хивинской экспедиции, в Оренбургском корпусе продолжалась подготовка к будущему походу. С октября 1841 г. по просьбе В. А. Перовского офицеры были включены в число командиремых для приобретения боевого опыта в Отдельный Кавказский корпус²⁹.

Второй поход Перовского на Ак-Мечеть был успешным. В конце мая 1853 г. он выступил с Оренбургской линии с 5000 человек и 36 орудиями и 20 июня осадил сильно укрепленную крепость. 27 июня Перовский штурмовал Ак-Мечеть и овладел ею к вечеру 1 июля, на пятый день боя. Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский, ставший краеугольным камнем новоучрежденной Сыр-Дарьинской линии. Линия эта явилась как бы авангардом Оренбургской линии и связалась с этой последней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим степь от туркмен).

Части корпуса приняли участие в походах русской армии николаевского времени. В Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. участвовали 4-й Уральский, 8-й и 9-й оренбургский казачьи полки. 8-й был сводным, т. е. состоял наполовину из башкир и оренбургских казаков. В Русско-польской войне 1830–1831 гг. участвовали 4-й Уральский, 8-й, 11-й (сводный) оренбургские казачьи, 2-й Теп-

28 Рахимов Р. Н. Хивинский поход 1839 г. и «Сухарная экспедиция» 1845 г. на Кавказе: две неудачные попытки решения одной проблемы // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002. С. 142–145.

29 РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3837. Л. 1–2 об.

ярский регулярный конный, 3-й — 7-й Башкирские конные полки. В Венгерский поход 1849 г. направлены два полка уральских казаков, не участвовавшие в боевых действиях. В Крымской войне 1853–1856 гг. участвовали два уральских казачьих полка, воевавшие в Крыму, и 1-й и 3-й Башкирский конные полки в составе Балтийского корпуса, оборонявшие Эстляндию и Лифляндию.

Оценки

Существуют разные оценки уровня военной подготовки Оренбургского корпуса. Они неоднозначны. Но в целом, большинство современников дают достаточно положительные оценки.

На наш взгляд, объективную оценку разным родам войск корпуса непосредственно перед Хивинским походом 1839 г. приводит М. И. Иванин. Так,

«регулярный 1-й Оренбургский полк, по новости сформирования своего и по недостатку офицеров, был не вполне удовлетворителен и для предстоящего похода мало полезен, по неспособности вообще регулярной конницы к степным и особенно зимним походам»³⁰. Высокую оценку у него получают уральские казаки, они «хотя не составляют регулярной конницы, но по знанию степи и степных походов, привычке к трудам и непогодам и постоянному отражению хищнических набегов при охранении своих пределов, могут считаться хорошими воинами для степных походов и необходимым конным войском для экспедиции в Хиву»³¹.

Пехоту он характеризует как не готовую к дальним походам:

«не только давно не участвовала в делах против неприятеля, но даже не делала никаких походов. Солдаты, с поступления на службу мало занимаясь ученьями, редко ходя в караулы, не собираясь в лагери, и только изредка препровождая арестантов, отстали по фронту от прочих войск; притом, постоянно находясь в одних и тех же полинейных станицах, многие из нижних чинов построили свои дома, занялись земледелием и торговлею. К тому же, кроме недостатка боевых, опытных и сведущих офицеров, и самый состав батальонов мало благоприятствовал успехам воинского образования и внушению военного духа. В апреле 1839 г. в 7 Оренбургских линейных батальонах считалось: рекрут русских 582, польских 549, поляков прежнего поступления 1578, сосланных и наказанных 1694. Следовательно почти 2/3 линейной пехоты была не надежна, и требовала самого строгого выбора людей для предприняемого похода»³².

30 Иванин М. Г. Указ. соч. С. 58.

31 Там же.

32 Там же. С. 59.

«Артиллерийские: конно-казацья и 14 гарнизонная бригады имели общий недостаток оренбургских войск: недостаток опытности и хороших офицеров. Что же касается до Башкирского, Мещеряцкого и Калмыцкого войск, то они, по недостатку в обучении и невоинственности, мало годились для похода»³³.

Со временем боевое мастерство пехоты росло. Так, в бою 18 декабря 1853 г. гарнизон Перовска героически отразил в двенадцать раз превосходившие силы кокандцев, пытавшихся вернуть Ак-Мечеть. Гарнизон под начальством подполковника Огарева состоял из 1055 человек при 19 орудиях против 12000 нападавших. Совершив вылазку, Огарев и капитан Шкуп опрокинули противника, уничтожив до 2000 человек, взяв 11 знамен и все 17 орудий противника и потеряв при этом 62 человека.

Уровень возросшей боевой подготовленности войск корпуса проявился впоследствии, в 1860-е годы, когда оренбургские власти силами одних только оренбургских линейных батальонов и казаков смогли осуществить завоевание Средней Азии, не привлекая для этого войск из европейской части России.

Важную роль в жизни войск корпуса играли смотры, и в первую очередь императорские. Их было два — в 1824 и в 1837 г. В 1824 г. Оренбургскую губернию посетил путешествовавший по России император Александр I. Выехав из Самары 9 сентября, император прибыл через день в Оренбург. 14 сентября он произвел смотр войскам на поле между Оренбургом и Бердской слободой. Войска для смотра были расположены в три линии: пехота, кавалерия, артиллерия. Участник путешествия лейб-хирург Д. К. Тарасов оставил свои воспоминания об этом событии.

«Император делал смотр войскам Оренбургского корпуса. Пехотой остался вполне доволен, и значительное число рядовых назначил в гвардию, по их росту и благовидности. Но смотр иррегулярных войск был чрезвычайно любопытен. Этими войсками командовал полковник Тимашев. Все это войско было собрано в степи близ Оренбурга и расположено отрядами на обширном пространстве в некотором порядке. Государь с Эссеном и полковником Тимашевым объехал сначала все эти разнообразные отряды степных войск, потом, остановясь на возвышенном месте, приказал Тимашеву скомандовать, чтоб они прошли церемониальным маршем мимо его величества.

Едва полковник Тимашев успел произнести командование, как все группы этих разнородных войск, на степных конях своих, пустились во весь карьер, без всякого порядка, в разные стороны, с дикими пронзительными криками, так что сначала казалось это его величеству забавным, а потом эти крики усилились до того,

что Тимашев никак не мог их остановить, и государь, подозвав Тимашева, приказал остановить эти неистовые эволюции, и заметил притом, что если они не слушают команды, то такие быстрые и беспорядочные движения легко могут произвести опасные последствия. Полковник Тимашев уверил его величество, что их остановить никак нельзя и что они сами скоро успокоятся. Такие неистовые их движения, по уверению Тимашева, означают свойственный им восторг при виде особы его императорского величества»³⁴.

В 1837 г. наследник цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II), выполняя желание своего отца, императора Николая I, предпринял поездку по Европейской России и Сибири.

Маршрут путешествия предполагал посещение Оренбурга и Уральска с целью ознакомления с бытом и жизнью оренбургских и уральских казаков, так как наследник являлся Наказным Атаманом всех казачьих войск России. В Оренбург цесаревич прибыл 12 июня. Его встречала большая масса народа и почетный караул от 2-го линейного Оренбургского батальона³⁵. Наследник посетил богадельню, арсенал, казармы, острог, Неплюевское училище, госпиталь, дачу Перовского с садом и рощу за рекою Урал. На следующий день, после обеда, за городом был проведен смотр войск. На плацу между Оренбургом и Бердской слободой были расположены в три линии войска. Пехота, которую составляли 2-й и 3-й линейные оренбургские батальоны. Кавалерия, состоявшая из 1-го Оренбургского казачьего, Сводного Оренбургского казачьего полков, четырех сотен Башкиро-Мещеряцкого войска, одной сотни башкир в национальных костюмах и в панцирях. Артиллерия была представлена 8-й и 9-й конно-артиллерийскими батареями Оренбургского казачьего войска.

Пехота проходила три раза повзводно, подивизионно и в сомкнутой колонне. Потом наступила очередь кавалерии, которая также проходила повзводно шагом, полускадронно рысью, в колонне рысью и поэскадронно марш-марш, «и точно весьма хорошо, принимая в соображение, что степные лошади. Все вообще чисто и единообразно одеты и точно можно сказать, весело было смотреть»³⁶.

После парада было проведено учение сотням Башкиро-мещеряцкого войска и конно-артиллерийским батареям. 14 июня цесаревич был на разводе и учении 2-го линейного Оренбургского батальона, посетил Илецк, где наблюдал добычу соли и провел смотр расквартированной в нем роте линейного оренбургского батальона.

34 Тарасов Д. К. Воспоминания моей жизни, записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова, 1792–1866 // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 358–359.

35 Юдин П. Цесаревич Александр Николаевич в Оренбургском крае в 1837 году // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 175.

36 Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 68.

33 Там же. С. 61.

Военные смотры демонстрировали жителям самой линии и приглашенным казахским султанам мощь Оренбургского корпуса. Они имели свой устоявшийся набор элементов, включая присутствие всех родов войск, вплоть до артиллерии, различные эволюции. Культурологический аспект этих мероприятий копировал традиции военно-парадного дискурса российской столицы. Вахт-парады времен Павла I, смотры и парады на Марсовом поле и Дворцовой площади эпохи Александра I, и Николая I были успешно реализованы в степи в окрестностях Оренбурга и Бердской слободы. Ценность большой массы войск, правильно марширующей и одновременно стреляющей, была намного выше, нежели высота крепостных стен и массивность фортификационных укреплений. А внешняя роль парадов в «эффектном» воздействии признавалась, по представлениям администрации, более важной для степняков, нежели наличие мощных крепостных укреплений.

Линия

«Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали.

А. С. Пушкин
«Капитанская дочка»

Оренбургская линия все время своего существования была местом международной торговли России со странами Востока, местом, где осуществлялись дипломатические сношения, реализовывалась российская политика в степи. Линия служила фактической границей России на юго-востоке, обеспечивала безопасность от набегов кочевников на российские владения. На линии происходили выборы ханов Малой орды, к ней они приезжали для встреч с оренбургскими военными губернаторами, на которых обсуждались проблемы взаимоотношений России и казахов. Самым, наверное, парадоксальным феноменом следует признать вслед за Т. И. Султановым то, что линия в тоже время разделяла две территории: Башкирии и Младшего Казахского жуза, являвшихся одновременно территориями Российской империи, и два народа: башкирский и казахский, которые также являлись подданными России³⁷. Такое разделение является парадоксальным лишь на первый взгляд. На самом деле пограничная линия разделяла Башкирию, уже интегрированную

37 Султанов Т. И. Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVI — начало XX века) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 23.

в институты российского государства, и Казахскую степь, процесс интеграции которой лишь начинался с 20-х гг. XIX в.

Интеграция казахов в состав Российской империи проходила двумя путями. С одной стороны, правительство настойчиво внедряло и закрепляло в жизнь казахского общества институты российской государственности: суд, налоговое обложение, нормы местного самоуправления. Строительство степных укреплений имело своей целью и защиту мирных жителей степи от набегов казахов, политически ориентированных на Кокандское ханство или Хиву, а также поддержание безопасности караванной торговли, приносящей пользу для всех. С другой стороны, внешняя, формальная часть военного дискурса пограничной линии оказывала немалое влияние на формирование у казахов образа России как сильного в военном отношении государства.

Линия протяженностью 1750 верст делилась на пять дистанций: первая, в которую входили крепости и редуты от Звериноголовской крепости до Верхнеуральска, вторая — от Верхнеуральска до Орской крепости, третья — от Орской крепости до Оренбурга, четвертая — от Оренбурга до Уральска и пятая — от Уральска до Гурьева. Между крепостями находились редуты, впереди линии стояли форпосты. Большинство крепостей на линии представляло незначительные деревушки, с двумя-тремя десятками небольших домиков, с окнами почти всегда во двор, и только одно окно и крыльцо выходило на улицу, чтобы видеть, что делается на улице во время нападения. В самом центре крепости была небольшая площадь, на которой находились церковь, квартиры коменданта и офицеров, канцелярия, провиантский склад, гауптвахта. Вся эта группа построек была огорожена земляным валом и рвом или частоколом. Некоторые крепости огораживались двойным плетнем, засыпанным землей. С течением времени валы и плетни разрушались, и укрепления заменялись «рогатками» в виде простой изгороди.

Вокруг крепости, на расстоянии одного или двух аршин, вкапывались в землю вертикально толстые столбы, называемые «надолбами». Эти надолбы и служили основой для крепостного укрепления. В них вкладывались наклонные балки в виде косої крестьянской изгороди. Около каждых крепостных ворот стояла медная или чугунная пушка, будки для караула³⁸.

Форпост представлял собой земляную или деревянную казарму, окруженную земляным валом и рвом. Рядом с казармой выкапывалось углубление небольшого размера, служившее пороховым погребом и складом провианта. Здесь же устраивались навесы для лошадей и маяк: на высоких четырех сходящихся кверху столбах устанавливалась крытая площадка, на которой все время находился

38 Кривошеков А. На Оренбургской пограничной линии. Очерки прошлого // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 1. С. 3–5.

сторожевой. Рядом с вышкой находился столб с прикрепленным на подвижной жерди снопом соломы, которую жгли в случае тревоги. Тревоги происходили довольно часто. Сохранились воспоминания казака-жителя одной из крепостей:

«Не каждая ночь проходила и спокойно. Иногда только разоспиться, как около полночи ударят в пушку, зарокочут барабаны тревогу, а там с церковной колокольни несет набат. Тут уж, как уго-релье, все выскакивают из домов, хоть и полуодетые, но в полном вооружении; ведь не знаешь, что случилось: может, шайка киргиз прошла в стороне, а может, они устроили набег на крепость. Кто их знает! Поэтому оружие и ночью всегда лежало рядом. Как ударят тревогу, схватываешь его и бежишь или к рогаткам и валу, или на площадь к главной обвахе. Делалось все страшно быстро: через полчаса после выстрела весь гарнизон был уже под ружьем на своих местах. А жутко было, как ударят тревогу в темную осеннюю ночь, когда и в 3-х шагах ничего не видно; а тут шум, гвалт, рокочут барабаны, гудит набат, а иногда и стрельба идет; дальше по всей линии то там, то тут горят сигнальные огни на маяках, точно зловещие красно-багровые зарева. А осенью-то набеги, как нарочно, были почти каждую ночь; солдатам было все же лучше, вот казакам приходилось тяжеленько: чуть тревога, они уж гонят на тот пикет, где впервые загорел сигнальный огонь. Бывало, целый месяц, а то и два продолжалась такая беспокойная жизнь, и лошади ни на минуту не расседывались, так заседланными и кормились, а иногда и кормить-то, пожалуй, не приводилось: едва вернуться из погони, а тут — новый набег, опять тревога, и казаки снова бегут в погоню»³⁹.

Анализ состояния Оренбургской пограничной линии в первой половине XIX в. показывает, что она в это время не представляла серьезного военного значения. Реальную картину положения дел на ней показывает «Записка», составленная в 1831 г. из рапортов комендантов крепостей для оренбургского военного губернатора П. П. Сухте-лена. В ней указаны недостатки, обнаруженные в крепостях, и даны предложения по приведению их в оборонительное состояние. Так, у крепости Красногорской имелись осыпавшиеся в некоторых местах укрепления; для Верхнеозерной, Ильинской, Таналыцкой, предлагалось «на первый случай сделать надолбы»; у Орской отсутствовал вал, ее предлагалось также обнести надолбами; Карагайскую обнести земляной насыпью; Каракульскую и Крутоярскую обнести плетневою стеною в два ряда с насыпкой земли и обкладкой дерном; у Усть-Уйской возобновить прежний ров и обнести надолбами и т. д.⁴⁰

39 Кривошеков А. Указ. соч. 1914. № 2. С. 63. «Обвахтой» казаки называли гауптвахту.

40 Российский государственный архив литературы и искусства (Москва. Далее: РГАЛИ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 959. Л. 1–5 об.

Большинство крепостей в это время как оборонительные сооружения существовали лишь на бумаге.

Несмотря на указанные недостатки в фортификации существующих укреплений, по решению В. А. Перовского в 1835–1845 гг. граница частично продвинулась на юг, где была создана Новая Оренбургская пограничная линия, с укреплениями Наследницкое, Михайловское, Константиновское и Николаевское.

В 1845–1849 гг. уже по инициативе В. А. Обручева в степи были построены новые укрепления Уральское, Раим (Аральское) и Оренбургское. Они способствовали выходу на новый рубеж, по реке Сыр-Дарья, где после взятия нескольких кокандских крепостей была создана Сыр-Дарьинская линия, позволившая перенести всю российскую юго-восточную границу далеко на юг.

Военная служба во вновь построенных степных укреплениях была тяжелой. Жара летом, снежные бураны зимой, некачественная вода и т. д. приводили к значительной смертности в их гарнизонах. Известен случай, когда В. А. Перовский, ознакомившись с месячными строевыми рапортами коменданта крепости Св. Николая, заметил что в ее гарнизоне умирает множество людей, и предписал ему донести о причинах смертности, и если она происходит «от дурного сперттого воздуха в казематах, или от влияния климата» сообщить свои соображения о мерах ее пресечения. На предписание он получил от коменданта следующий ответ: «Господину Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору. Коменданта крепости Св. Николая подполковника Худякова рапорт. В командуемой мной крепости Св. Николая воздуха и климата не имеется; есть один палящий зной, от которого люди заболевают, но тотчас же мною отправляются в госпиталь, где и умирают на законном основании. Подполковник Худяков»⁴¹.

А. О. Пальчевский бывший врач Оренбургского укрепления (воздвигнутого в 1845 г.) так описал место своей службы:

«Расположено на возвышенном месте, обнесено дерновым валом, имеющим фигуру четырехугольника. Внутри крепости, по углам возвышаются четыре барбета, на которых стоят орудия. Посредине крепости на небольшой площади стоит церковь, а по бокам тянутся квартиры офицеров, лазарет и казармы. На юго-западе находятся одни проходные ворота; кругом укрепления разбросаны мазанки поселенцев (слободка). Здания расположены сжато и сделаны из сырого солонцовато-глинистого грунта, выштукатурены снаружи и внутри смесью лошадиного навоза, желтой глины и выбелены белой глиной. Крыши и т. д. деревянные. Вообще вид укрепления чрезвычайно мрачен. Окрестности — равнина, рядом в 1,5 версты река Тургай.

Жизнь офицеров в укреплении далеко не весела и не разнообразна; все общество состоит из пяти офицеров, и на всех этих

41 Курьезные рапорты // Русская старина. 1870. № 2. С. 599.

лицах выражена какая-то апатия. Библиотека состоит из старых журналов: „Русского инвалида“, да «Солдатской беседы» за прошлые годы; новых никто положительно не выписывает. Вообще можно сказать, что общественная жизнь здесь в чрезвычайном застое, и занятия офицеров состоят только в служебных обязанностях, да в домашней беседе.

Нижние чины, составляющие гарнизон Оренбургского укрепления в числе 135 человек Оренбургского казачьего войска подвижного резерва, 78 человек пешего казачьего батальона и 62 человек разных команд и званий, кроме служебных обязанностей — караулов и учений, исполняют инженерные работы по укреплению. Для помещения гарнизона имеются казармы. Для очищения воздуха в казармах устроены вентиляции. Спят нижние чины на нарах, устройство которых правильно. Пищей пользуются они из общего котла, которая состоит из хороших щей с мясом и каши, для питья всегда готовится квас, в постные дни рыба. Увеселений никаких, большинство занимается добровольно и охотно грамотностию, другие ремеслом, в досужие дни поют, или рассуждают о своих семейных бытах»⁴². В какой-то степени его описание подтверждает с известной долей желчи Т. Г. Шевченко, служивший в 1857 г. солдатом в Новопетровском укреплении⁴³.

Такая же ситуация сохранялась и впоследствии. Н. Сорокин, путешествовавший по степи в 1879 г., оставил описание одного из укреплений: «Несколько домиков, да длинных казенных строевых лепится кругом большой пустыри. Вот вам и Ак-Тюбе. Справа и слева возвышаются редуты с часовыми и пушками, окопанные рвами; но чрез ров этот перепрыгнет не только лошадь, но даже ребенок»⁴⁴.

Плачевное положение с крепостными сооружениями в степи предполагало, что основная нагрузка по обороне пограничной линии ложится на войска Оренбургского корпуса. Несмотря на слабые в военном отношении иррегулярные войска, других в крае не было, поэтому в 1821 г. на линии несло службу казаков — 2417, башкир и мишарей — 10422 чел.; в 1823 г. казаков и калмыков — 2752, башкир и мишарей — 3776 чел.⁴⁵ В 1833 г. на летней службе было оренбургских казаков — 1760, уральских — 2594, калмык — 267, башкир и мишарей — 7361 чел. В резерве находились: Оренбургский казачий полк — 673 чел., 1-й и 2-й тептярские полки — 1294 чел., и конная артиллерия — 416 чел.⁴⁶

42 Пальчевский А. О. Оренбургское укрепление // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. С. 111–113.

43 Шевченко Т. Г. Дневник // Собрание сочинений в 4 томах. Т. IV. С. 8–17.

44 Сорокин Н. Очерки из путешествия по Средней Азии // Известия и ученые записки императорского Казанского университета. 1882. № 1–2. С. 7.

45 РГВИА. Ф. 37. Оп. 1 / 191. Св. 29. Д. 348. Л. 2–13.; Св. 36. Д. 408. Л. 2–13.

46 ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11082. Л. 23–24.

Проекты реформирования иррегулярных войск корпуса начали разрабатываться и предлагаться с момента его создания. Вопросы реформирования казачьих и национальных войск получили некоторое освещение в исторической литературе, причем более подробно освещены планы преобразования Оренбургского казачьего войска⁴⁷. Непосредственно проекты реформ Башкиро-мещерякского войска впервые рассмотрел С. Н. Нигматуллин⁴⁸. Однако в его статье анализу подверглись реформы 1820–30-х гг., в некоторых случаях им давались неверная оценка. Так, проект П. К. Эссена, по его мнению, уменьшал роль войска, а предложения П. П. Сухтелена усиливали ее, что было как раз наоборот. Хронология реформ расширена с 1820-х до 1840-х гг. в работах А. З. Асфандиярова⁴⁹. В них освещены планы В. А. Перовского, В. А. Обручева. В контексте проектов преобразования сословия тептярей и бобылей, реформ 1820-х гг. коснулся и Б. С. Давлетбаев⁵⁰. Проекты реформ Башкиро-мещерякского войска рассмотрел Р. Н. Рахимов⁵¹.

Первый проект реформ был предложен Оренбургским военным губернатором и первым командиром корпуса П. К. Эссеном. В 1818 г. П. К. Эссен сразу после назначения на должность отправил императору предложение о сформировании казачьих полков из башкир и мишарей. Предложение было принято, более того, Александр I предложил башкир Пермской, Вятской и Саратовской губернии перевести в разряд государственных крестьян, что было отклонено П. К. Эссеном⁵². Окончательный вариант был представлен в 1820 г.

47 Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891; Чернов И. В. Записки генерал-майора И. В. Чернова. Оренбург, 1907; Столетие военного министерства. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1902; Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 2. Ч. 2. М., 1902; Кобзов В. С. Указ. соч.; Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

48 Нигматуллин С. Н. О политике царизма по переводу башкир и мишарей из военного сословия в податное в 20-х и 30-х годах XIX века // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.

49 Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996.

50 Давлетбаев Б. С. К эволюции социально-политического положения тептярей в первой половине XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984.

51 Рахимов Р. Н. Проекты реформ Башкиро-мещерякского войска. Первая половина XIX века // Victoria. Gloria. Fama. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. III. СПб., 2003. С. 77–81.

52 Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (Уфа. Далее: ЦГИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 7 об.

По нему предполагалось ввести в войске должность войскового атамана, подчиняющегося оренбургскому военному губернатору, создать Войсковую канцелярию, подчиненную губернскому правлению. Войско должно было содержать и комплектовать 18 пятисотенных полков (15 башкирских и 3 мишарских). В случае же войны, оно составляло большее количество полков, то есть «служило поголовно». За войском оставались все земские повинности. Срок службы определялся в 10–15 лет. Командиры в полках должны были назначаться из регулярной кавалерии и казаков, но в случае открывшихся вакансий их могли заменять чиновники из войска, сдавшие экзамен. Служба полков предполагалась на линии Сибирской и в Казанской губернии⁵³. Проект П. К. Эссена вызвал бурю возмущения в крае. Башкиры направили жалобы царю, в которых заявляли о своем несогласии с проектом. Они писали, что «не в состоянии содержать те полки и канцелярию»⁵⁴. Несмотря на протесты, П. К. Эссен был намерен осуществить свой план. Однако Министерство внутренних дел, опасаясь возмущения и беспокойств, предложило воздержаться от его реализации. И. В. Чернов отмечал, что реформа не осуществилась «как по политическим, так и по экономическим причинам. Экономические причины были неимение в казне денег, а политические — возможность в народе бунта, если обложить народ особым сбором»⁵⁵. Если башкир и мишарей Эссен хотел перевести в разряд казаков, то тептярские полки он предложил сделать регулярными путем увеличения денежного сбора с тептярей, и уравнивания тептярских полковых чиновников с армейскими чинами. В полку предполагалось иметь пять сотен (в каждой — по 100 конных и 10 пеших казаков), срок службы оставить пятнадцатилетним, также принимать офицерами в полки отставных военных. Зауряд-чиновников он предлагал достойных произвести в офицеры, остальных сместить в пятидесятники. В пятидесятники также принимать дворян, назвав их юнкерами до выслуги офицерского чина. По сути, его предложение превращало тептярские полки в обыкновенные кавалерийские полки русской армии, отличающиеся лишь комплектованием и сроком службы нижних чинов. Тем не менее, опасение Комитета Министров, что это может привести к возникновению «между тептярями и бобылями нового дворянства», привело к тому, что последняя часть предложений губернатора не была принята⁵⁶.

Проблема преобразования войска, тем не менее, стояла остро, так как события наполеоновских войн ясно показали невозмож-

ность войны луком и стрелами против современных европейских армий. Архаичное вооружение, такая же организация настоятельно требовали приведения войска в современное состояние, либо его упразднения. Одновременно было необходимо удешевить содержание армии. Все это привело, с одной стороны, к созданию целой системы военных поселений, а с другой, к реформированию казачьих войск. В 1832 г. было принято «Положение о Донском казачьем войске», ставшее основой для принятия таких же положений в других казачьих войсках.

В 1826 г. неизвестный автор, именующий себя бывшим оренбургским гражданским губернатором (скорее всего Г. В. Нелидов) в докладной записке на имя императора предлагал превратить башкир в военных поселян⁵⁷. Адьютант П. К. Эссена В. Готовцев, сочтя «службу башкир и мещеряков на линии ненадежной», предлагал «отменить ее и положить их в подушный оклад, чтобы истребить в них воинских дух»⁵⁸.

В 1827 г. появился проект начальника Главного штаба графа П. А. Толстого. Он предусматривал создание общих казачьих полков из башкир, мишарей и оренбургских казаков. Полки должны были объединиться в 5 бригад общей численностью 35–40 тысяч человек⁵⁹. Можно считать, что оренбургский казачий полк, направленный на войну с Турцией в 1828 г., состоявший из башкир и оренбургских казаков, был попыткой осуществить данный проект. Но объединение не должно было слить два войска. Оно касалось лишь военной службы, а внутренне устройство у башкир и казаков оставалось раздельное.

Сменивший П. К. Эссена граф П. П. Сухтелен отказался от идей своего предшественника. По его мнению, башкиры и мишари были неспособны к военной службе, поэтому он предложил собственный проект: в течение 5 лет «пять мещеряцких и восемь с половиной башкирских кантонов обратить в казенных поселян, дабы избавиться на будущее время от услуг башкир для охранения пограничной линии, принять меры к усилению состава Оренбургского казачьего войска, до устройства этого войска остальные три с половиной башкирских кантона, расположенные ближе к линии, предназначить для несения кордонной службы»⁶⁰. Опасаясь волнений башкир, П. П. Сухтелен, предлагал разместить в крае воинские подразделения и откомандировать на дальнюю службу до 4 башкирских полков, в которые направить старшин и чиновников, известных своим влиянием и беспокойным характером.

53 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 17 об. –18.

54 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2257. Л. 138 об.

55 Чернов И. В. Указ. соч. С. 42.

56 ПСЗ. Т. 36. № 29902; Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 346–347. Он считает, что полки были оставлены в прежнем состоянии, однако принятие нового штаба полков показывает, что предложение Эссена было в целом осуществлено.

57 РГВИА. Ф. 410. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–1 об.

58 Ден В. Э. Указ. соч. С. 285.

59 Стариков Ф. М. Указ. соч. С. 98–99.

60 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Л. 8–9 об.

Оба проекта, П. К. Эссена и П. П. Сухтелена, по высочайшему повелению были переданы в особый комитет, учрежденный под председательством князя В. П. Кочубея. Комитет объединил их, несмотря на явную противоположность, и в конечном итоге определил: «Назначить для управления башкирским войском генерала и учредить при нем канцелярию; три с половиной кантона, находящиеся ближе к кордонной линии, оставить в виде войска; из мещеряжских кантонов составить один регулярный полк или военно-рабочий батальон; прочих башкирцев ... отчислить из военного ведомства и обратить в податное состояние, для поступления в удельное ведомство»⁶¹. 17 марта 1832 г. данное положение было утверждено Николаем I, но не было приведено в исполнение, так как начиналось строительство Новой Оренбургской линии, и к тому же в 1833 г. неожиданно умер П. П. Сухтелен.

Назначенный оренбургским военным губернатором В. А. Перовский, не отменяя проекта перевода башкир в податное состояние, временно оставил их в военном сословии. Более того, по его инициативе в 1834 г. была создана Войсковая канцелярия, введена должность Командующего войском, а в судебном отношении войско перешло из гражданского ведомства в военное. Проект был утвержден императором, но затем 20 марта 1842 г. последовала резолюция: «Дело сие оставить впредь до времени, без дальнейшего движения»⁶².

Сменивший В. А. Перовского В. А. Обручев в 1846 г. предложил северных башкир перевести в разряд государственных крестьян, а южных причислить к Оренбургскому казачьему войску, так же как в 1842 г. к нему были причислены ставропольские калмыки. Такое объединение он считал удобным для управления, но местное управление должно было остаться раздельным⁶³. Таким образом, В. А. Обручев вернул к жизни идею графа П. А. Толстого. Данный план также не был принят к исполнению.

Последний проект реорганизации войска был предложен его командующим Н. П. Беклемишевым в 1850 г. Он предложил иметь в войске Наказного атамана, подчиненного командиру Отдельного Оренбургского корпуса, создать при нем Войсковое дежурство, Атаманскую канцелярию⁶⁴. Несмотря на то, что данный проект вызвал негативную оценку В. А. Обручева, он также предполагал преобразование службы башкир по примеру других казачьих войск. План Н. П. Беклемишева не был реализован, а военный министр предписал прекратить делопроизводство по изданию нового положения о башкирском войске.

61 Там же. Л. 9 об. – 10.

62 Там же. Л. 11.

63 Там же. Л. 12, 13 об.

64 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва). Далее: ОПИ ГИМ). Ф. 199. Д. 8. Л. 45–74 об.

Одновременно с 1841 г. по устному поручению Николая I часть войска была освобождена от воинской службы, а взамен нее платила денежный сбор. Несколько кантонов, распложенных у границы, осуществляли кордонную стражу. Число кантонов, освобожденных от службы, с каждым годом увеличивалось, причем никаких ожидаемых в крае волнений не было. В 1855 г. к войску были присоединены тептяри и бобыли, составлявшие особое сословие, и оно получило название «Башкирское войско»⁶⁵. В 1857 г. вновь возобладала идея военной надобности башкир, даже предполагалось сформировать на внешнюю службу два башкирских полка⁶⁶. В 1860-е гг. службу на линии несли 9 служащих кантонов, в основном в виде рабочих команд, участвуя в сооружении степных укреплений⁶⁷. Остальные кантоны платили денежный сбор. В стране начались реформы, затронувшие армию, в том числе и иррегулярные войска. Одновременно юго-восточная граница выдвинулась далеко на юг к реке Сыр-Дарья. Пограничную линию на ней содержали регулярные войска и казаки. По инициативе оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака, понимавшего полную абсурдность существования средневекового войска, начался процесс его упразднения. 14 мая 1863 г. было принято «Положение о башкирах», которое переводило башкир из военного состояния в податное, а в 1865 г. войско было упразднено⁶⁸.

Итак, в течение 30 лет было предложено 10 проектов преобразования Башкиро-мещеряжского войска. Все их можно разделить на две группы: к первой относятся проекты, предлагавшие создать войско, идентичное казачьему (П. К. Эссен, П. А. Толстой, Н. П. Беклемишев, В. А. Обручев), вторую составляют проекты, предусматривающие деление его на две части, меньшая из которых оставалась в военном состоянии, а большая передавалась гражданскому ведомству (П. П. Сухтелен, В. П. Кочубей, В. А. Перовский). Но все эти проекты не могли быть осуществлены по причине того, что в военном отношении войско с начала XIX в. оказалось неспособным интегрироваться, как другие казачьи войска, в армейскую структуру. Сказывалось отсутствие подготовленных кадров, вооружение и тактика прошлого времени. Местные особенности, кантонная система, довершали его обособленность. Каковы были причины, тормозившие либо делавшие невозможным проведение реформ Башкиро-мещеряжского войска? На наш взгляд, такой причиной являлось вотчинное право на землю, сохранившееся у башкир с момента добровольного вхождения Башкирии в состав России и ставившее их в особое положение среди других иррегулярных войск.

65 ПСЗ-2. Т. 30. № 29060.

66 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9614. Л. 1.

67 Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 271–280.

68 ПСЗ-2. Т. 40. № 42282.

Реформирование остальных иррегулярных войск, за исключением отмены наемки у уральских казаков, было проведено вполне успешно («Положение» для оренбургских казаков 1840 г., которое всецело опиралось на «Положение о Донском казачьем войске»; реорганизация тептярских полков, а затем их упразднение; упразднение Ставропольского калмыцкого войска). Сила традиции, сохранившаяся лишь у уральских казаков и башкир, кстати, самых древних компонентах военной силы на юго-востоке России, в определенной степени не давала возможности оптимизировать их военную организацию.

Из регулярных частей оренбургские линейные батальоны были преобразованы впоследствии в туркестанские, развернутые в дальнейшем в туркестанские стрелковые полки.

